

В. К. Кельмаков, Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2, Ижевск, Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 395 с.

Рецензируемая книга является логическим продолжением первой части книги автора «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка» (Ч. 1, Ижевск, Издательский дом «Удмуртский университет», 2003; см. Некрасова 2005). Она посвящена более поздним фонетическим изменениям, которые формировали диалектную и литературную фонетику современного удмуртского языка. Книга построена подобно первой части: она состоит из отдельных статей, опубликованных автором в разные периоды своей исследовательской деятельности. Однако ко многим работам даны дополнительные комментарии, пополнен языковой материал. Все статьи объединены в два основных раздела: «Вопросы исторического вокализма» и «Вопросы исторического консонантизма». Реконструкция исторических фактов, установление причин, времени и ареала парадигматического и синтагматического изменений праудмуртских фонем зависит в большой степени от изученности удмуртских диалектов. Поэтому при рассмотрении каждого вопроса исследователь опирается прежде всего на данные диалектов и родственных языков, использует письменные памятники. Большинство статей написано на основе материала, собранного автором во время диалектологических экспедиций, целью которых было уточнение качества и функционирования отдельных фонем.

Первый раздел состоит из двух частей — «К истории вокализма первого слога слова» и «К истории вокализма непервых слогов слова». Для истории пермских языков одним из важных и проблемных вопросов является реконструкция системы праудмуртских гласных, ибо она позволит выявить не только основные тенденции развития вокализма удмуртских диалектов, но и внести коррективы в реконструируемую прапермскую систему гласных. Реконструкция системы праудмуртских глас-

ных была начата Ю. Вихманном, продолжена в трудах Р. Хармса, Т.-Р. Вийтсо и В. К. Кельмакова. Однако до настоящего времени исследователи истории удмуртского языка не пришли к единому мнению относительно количества и качества праудмуртских гласных. Наиболее проблемными вопросами реконструкции праудмуртского вокализма первого слога остаются качество фонем x (термин Д. В. Бубриха), $*j$, $*\delta$ и наличие/отсутствие в праудмуртском языке фонем $*i$, $*\varepsilon$. Именно этим вопросам отведена значительная часть первого раздела книги, так как только после реконструкции отдельных фонем можно определить праудмуртскую систему гласных.

Относительно времени происхождения праудм. $*i$ выдвинуты две гипотезы: 1) период самостоятельного развития удмуртских диалектов (Т. Аминофф, Ю. Вихманн, Д. В. Бубрих); 2) период прапермского языка (В. И. Лыткин, Э. Итконен, И. В. Тараканов). На основе материала родственных языков и диалектов В. К. Кельмаков (Рефлексы праудмуртских среднерядных гласных верхнего подъема в современных диалектах, с. 29—44) обосновывает правильность второй гипотезы, объясняя наличие междиалектной корреспонденции гласных $u \sim j$ ($\sim i$) как результат неоднозначного замещения праудм. $*i$. В связи с историей фонемы $*i$ поднимается вопрос о природе гласного j . В удмуртских диалектах он представлен в трех фонетических вариантах: 1) j — гласный верхнего подъема среднего ряда; 2) \hat{j} — гласный среднего подъема заднего ряда; 3) \hat{i} — гласный средне-заднего ряда. В вопросе о первичности одного из вариантов автор книги придерживается мнения Д. В. Бубриха, Э. Итконена, В. И. Лыткина, восстанавливая в праудмуртской системе гласных данную фонему в варианте $*j$. Он приводит дополнительные аргументы в пользу этого предположения,

полагая, что в праудмуртской вокалической системе средний ряд был представлен двумя противопоставленными друг другу гласными верхнего подъема: лабиализованным $*i$ и нелабиализованным $*j$.

Проблема «двух разновидностей o » в праудмуртском языке впервые была поставлена Д. В. Бубрихом (1929). На наличие «фонемы X » в праудмуртском языке указывают данные родственных языков и удмуртских диалектов: современному удм. o соответствуют в коми языке в абсолютном большинстве случаях e и e , на месте o эти гласные sporadически представлены и в отдельных удмуртских диалектах, тогда как коми o , как правило, соответствует удм. u . Были предложены разные мнения относительно качества этого загадочного гласного. В. К. Кельмаков считает, что им должен был быть нелабиализованный гласный среднего подъема, которым мог быть только праудм. $*e$. Действительно, с выделением этого гласного праудмуртская система гласных «получает логически весьма стройный характер», при этом средний ряд представлен корреляцией гласных по лабиальности: верхний подъем $*i : *j$, средний подъем $*o : *e$. В качестве дополнительного подтверждения своей гипотезы ученый приводит одно из удмуртских заимствований марийского языка, гласный первого слога в котором восходит, скорее всего, к праудм. $*e$ (К вопросу о «двух o » в праудмуртском языке, с. 62—113; Еще раз о качестве «восьмой» праудмуртской гласной фонемы, с. 114—118).

Восстановление среднерядных фонем позволило В. К. Кельмакову уточнить систему праудмуртских гласных, предложенную им ранее (с. 27), где на месте o_1 он реконструирует гласный $*e$ (с. 104):

$*i$	$*j$	$*u$	$*u$
$*e$	$*o$	$*e$	$*o$
		$*a$	

К данному вопросу автор возвращается при рассмотрении происхождения фонемы a , функционирующей в татышлинском диалекте и имеющей соот-

ветствия в марийском и хантыйском языках. В статье «Фонема a в татышлинском диалекте удмуртского языка» (с. 118—126) он склоняется к мнению, что данная фонема скорее всего появилась в удмуртском языке довольно поздно, под влиянием татарского языка «как заполнение пустой клетки» (с. 124). Однако позднее ученый выдвигает другую гипотезу. Рассматривая происхождение междиалектной корреспонденции сев. $i //$ юж. j , В. К. Кельмаков счел возможным объяснить ее как рефлексию ныне исчезнувшей в абсолютном большинстве диалектов праудмуртской фонемы $*a$. В связи с этим он ставит вопрос о десятой праудмуртской фонеме. К рассмотрению корреспонденции сев. $i //$ юж. j ученый возвращается в статье «Об одной междиалектной корреспонденции гласных в удмуртском языке» (с. 164—172). На основе дополнительного фактографического материала он уточняет свое предположение относительно возникновения данного явления: корреспонденция может быть рефлексией первичного $*i$ (> сев. $i //$ юж. j), но в то же время он не исключает возможности рефлексии праудмуртской фонемы $*a$. Материал коми диалектов, который также приведен в статье, позволяет считать первую гипотезу — рефлексию $*i$ (> сев. $i //$ юж. j) — более аргументированной, а появление $*a$ в диалектах удмуртского языка объяснить влиянием тюркских языков. Окончательное решение данного вопроса позволит более достоверно реконструировать систему гласных фонем праудмуртского языка, уточнить закономерности фонемной синтагматики, причину и хронологию некоторых фонетических процессов.

Рассматривая историю отдельных фонем, синтагматические и парадигматические изменения, В. К. Кельмаков пытается определить причину и хронологию этих изменений. Самым ранним праудмуртским изменением, датированным XIV—XV вв., он считает процесс $*e > o$, результатом которого стал процесс $*o > u$ (с. 27). Второй этап в перестройке праудмуртского вокализма связывается с падением (передне-)сред-

нерядных огубленных **ö* и **ü* (с. 27) — автор относит его к периоду распада праудмуртского языка на относительно самостоятельные диалекты современного типа, что могло закончиться к началу XVII в. (с. 60—62). К позднеудмуртским изменениям отнесены возникновение корреспонденции сев. *j* // юж. *i*, появление гласной фонемы *ä* в кукморском диалекте (с. 281). В связи с этапами фонетических изменений прослеживается и становление различных типов вокализма удмуртских диалектов.

Предложенная В. К. Кельмаковым реконструкция праудмуртских гласных в целом вполне убедительна. На ее основе можно скорректировать реконструкцию прапермской системы гласных, ибо существующие на сегодняшний день реконструкции прапермского вокализма проводились преимущественно с использованием материала коми диалектов.

Во второй части первого раздела книги рассматриваются основные проблемы вокализма непервых слогов слова: сохранение/несохранение прафинно-угорского синтагматического закона неупотребления огубленных гласных за пределами первого слога, праязыковой гармонии гласных и отпадение узких гласных конца непроемной основы.

Во всех пермских языках лабиализованные гласные функционируют преимущественно в первом слоге слова, во втором их употребление ограничено определенным кругом лексем и грамматических форм: во втором компоненте сложного слова, в заимствованных словах, в корневых и аффиксальных морфемах на месте исконных нелабиализованных гласных фонем. В пермском языкознании выдвинуто несколько гипотез относительно появления огубленных гласных в непервых слогах: а) ассимилятивное воздействие губных *u* и *o* первого слога на негубные гласные последующих слогов (Ю. Вихманн, Д. Лакко, И. В. Тараканов и др.); б) воздействие твердых согласных на предшествующие неогубленные гласные (В. И. Лыткин). По мнению В. К. Кельмакова, ни одна из гипотез не лишена противоречий. Появление огубленных гласных в непервых слогах в удмуртском языке

он связывает со структурными преобразованиями в системе гласных (изменение гласного **o*, падение среднерядных огубленных) и в акцентуационной системе (репласация ударения), которые имели место в конце праудмуртского периода. На основе анализа диалектного материала и данных письменных памятников автор уточняет время перехода **-a(-) > -o(-)*, датируя его XVI—XVII вв. (иначе Ш. Чуч, Ф. Мольнар) (Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках, с. 173—205). В этой связи хотелось бы добавить, что фонетические изменения, возникшие в результате разных причин, могут привести к одинаковым результатам, или же эти изменения могут быть обусловлены несколькими причинами. Поэтому, говоря о лабиализации вообще, нельзя исключать ассимиляцию гласных и воздействие согласных, которые имели место, например, при развитии гласных непервого слога слов в коми диалектах.

На основе анализа диалектного материала В. К. Кельмаков определил особенности функционирования лабиализованных гласных в непервых слогах слов в современных пермских языках. Основным способом внедрения огубленных гласных в удмуртском языке стало фонетическое изменение первичного **a* (редко **e*) в *o*, в коми языках — прямое заимствование из русского языка. Наиболее широкое распространение лабиализованные гласные получили в удмуртском языке, коми-пермяцкий занимает промежуточное положение, тогда как коми-зырянский выглядит наиболее архаичным (Об ареальной тенденции в развитии вокализма непервого слога слова в пермских языках, с. 205—216). По поводу коми-зырянских диалектов следует дополнить, что они неоднородны в отношении использования лабиализованных гласных в непервых слогах слов, поэтому нельзя однозначно отнести коми-зырянский к числу архаичных. В ряде диалектов наблюдается значительное расширение употребления лабиализованных гласных в непервых слогах не только в результате прямого заимствования из русского языка, но и

вследствие фонетического изменения нелабиализованных гласных в лабиализованные. Такие фонетические процессы наиболее активно протекали в ижемском диалекте, где отмечаются *e > o*, *i*: иж. *ло-о* (лит. *ло-õ*) 'будет', *вичко-о* (лит. *вичко-õ*) 'в церковь', *йуор* (лит. *йуõр*) 'весть, сообщение'; *j*, *i > u*: *вугур* (лит. *вугур*) 'крючек удочки', *сун'ус* (лит. *сун'ис*) 'нитки', *менум* (лит. *меным*) 'мне', *мэдум* (*медым*) 'чтобы'; *a > o* в суффиксе *-ал > -оо*: *вуз-оо-ны* (лит. *вуз-ав-ны*) 'продать'.

Начало отпадения конечных гласных основы исследователи относят к прапермскому периоду. Принято считать, что отпадению подверглись только гласные среднего подъема. После распада прапермской общности в коми языке, по мнению В. И. Лыткина, в XI—XII вв., отпали и узкие гласные. В. К. Кельмаков вносит определенные коррективы в датировку данного процесса: наличие в удмуртском языке дублетов с конечным *-ы* и без него дают основание отнести начало отпадения узких гласных к концу прапермского периода, к IX — началу X века (Фонетическое варьирование слов в удмуртском языке I: Варьирование гласных непервых слогов, с. 216—230).

Для современных пермских языков не характерна палатальная гармония, она была полностью утрачена к концу периода прапермского языка вследствие перестройки вокалической системы. Палатальную гармонию в татышлинском говоре исследователь объясняет влиянием тюркских языков, татарского и башкирского, с ярко выраженным сингармонизмом (Элементы палатальной гармонии гласных в татышлинском диалекте удмуртского языка, с. 230—244).

Второй раздел книги посвящен вопросам исторического консонантизма. В. К. Кельмаков впервые в истории удмуртского языка представил научно обоснованную реконструкцию праудмуртской системы согласных, описав их дистрибутивные особенности и дальнейшее развитие в современных диалектах. С учетом исследований в области прапермского консонантизма и с использованием материалов современных

удмуртских диалектов он восстанавливает систему согласных из 28 единиц. Праудмуртским согласным были присущи корреляции по глухости/звонкости, по велярности/палатальности. Большинство согласных сохранили и свои дистрибутивные особенности с прапермского периода: употреблялись во всех позициях фонетической структуры слова. Ограничения в дистрибуции в праудмуртский период проявляли фонемы **v* — анлаут, **ɥ* — ан- и инлаут, **r*, **ŋ*, **t'*, **d'*, **z* — ин- и ауслаут (К вопросу о праудмуртской системе согласных, с. 245—261). Более подробно ученый рассматривает развитие отдельных праудмуртских (прапермских) согласных, претерпевших значительные изменения в удмуртских диалектах, среди которых палатальные смычные согласные, фонемы **ŋ* и **ɥ*, аффрикаты.

Палатальные смычные согласные и *зь* в современных пермских языках расширили дистрибутивные возможности, употребляются во всех позициях в слове. В. К. Кельмаков отмечает, что в удмуртском и коми-пермяцком языках они встречаются в анлауте звукоподражательных и заимствованных слов, а также на месте других первичных согласных: согласный *t'* восходит в удмуртском языке к велярным смычным *к*, *т*, аффрикатам *ч*, *щ*, в коми-пермяцком — *к*, согласный *d'* — в удмуртском языке к согласным *й*, *д*, *ж*, *з*, в коми-пермяцком — *г*, согласный *z'* — в удмуртском языке *з*. Исследователь убедительно доказывает, что распространение этих согласных на начало слова произошло лишь в период самостоятельного развития каждого из пермских языков (Некоторые общие особенности фонемной синтагматики согласных в удмуртских и коми-пермяцких диалектах, с. 261—269). Эти выводы подтверждает материал коми-зырянских диалектов, где в анлауте согласных *t'* восходит к согласным *к*, *т*, *ч*, согласный *d'* — к согласным *д*, *дз*, *г* (Некрасова 2002).

В. К. Кельмаков детально исследует общепермскую тенденцию замены фонемы **ŋ* другими носовыми, которая получила дальнейшее развитие в боль-

шинстве удмуртских диалектов, в основном в северных и некоторых срединных говорах. В южных и периферийно-южных удмуртских говорах, испытавших сильное влияние татарского языка, фонема *ʏ сохранилась. Следует согласиться с автором, что причинами замещения согласного могли быть низкая частотность и ограниченная дистрибуция фонемы в структуре слова, артикуляционная сложность фонемы, фонетические изменения прапермского периода (деназализация, выпадение отдельных согласных), влияние русского языка (О некоторых специфичных фонемах кукморского диалекта удмуртского языка, с. 269—279).

Аффрикаты в пермских языках наиболее подвержены фонетическим изменениям. По данным В. К. Кельмакова, в удмуртских диалектах эти согласные получили противоположные тенденции развития: 1) тенденция к консервации синтагматических особенностей и увеличение частотности употребления (отдельные срединные говоры); 2) тенденция к постепенному ограничению дистрибуции и уменьшению частотности употребления. Вторая тенденция протекала в три этапа, что получило отражение в трех группах удмуртских диалектов: 1) все аффрикаты сохранили фонематичность, но сужена их дистрибуция (северное наречие, южный диалект южного наречия, литературный язык); 2) аффрикаты претерпели существенные парадигматические и синтагматические фонемные изменения (бесермянское наречие, часть периферийно-южных говоров, закамские говоры); 3) аффрикаты полностью утрачены (говоры отдельных населенных пунктов Кукморского района Республики Татарстан). Внутрисистемной предпосылкой неустойчивости аффрикат, по мнению автора, была крайне низкая частотность

и ограниченная дистрибуция оппозиции аффрикат с фрикативными и палатальными смычными согласными (Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах, с. 284—301). В коми диалектах аффрикаты оказались более устойчивы, синтагматическое ограничение палатальных аффрикат отмечается только в удорском диалекте (Некрасова 2000).

Для пермистики весьма интересны выводы автора о происхождении фонемы *ʏ: ее возникновение связывается с процессом развития корреляции согласных по глухости/звонкости, протекавшей в позднепрапермский период. По мнению автора, она выработана системой в качестве звонкой пары к фонеме *ʋ. Однако эта оппозиция не совсем адекватно коррелировала с оппозицией по глухости/звонкости, фонема имела низкую частотность и дистрибуцию, не имела поддержки в контактирующих языках (за исключением закамских и бесермянских говоров, испытавших некоторое воздействие со стороны татарских диалектов, характеризующихся наличием *ʏ). Поэтому в большинстве удмуртских диалектов, как и в коми языке, она перешла в фонему ʋ (Еще раз к вопросу о губно-губном сонанте в удмуртских диалектах, с. 305—328).

Насыщенная богатым диалектным материалом и новыми теоретическими изысканиями книга В. К. Кельмакова представляет собой весомый вклад в историческую грамматику пермских языков. В ней пересмотрены многие теоретические положения, даны уточнения и разработаны проблемы, поднятые другими лингвистами, а также самим автором. Книга представляет интерес для финно-угроведов, занимающихся не только историческими, но и типологическими и ареальными исследованиями.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Б у б р и х Д. В. 1929, К вопросу о пермском вокализме. — Бюллетень Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей, № 4, Ленинград, 18—19.
- Л ы т к и н В. И. 1968, Лабиализованные гласные среднего ряда в

- пермских языках. — ВЯ, № 1, 19—25.
- Некрасова Г. А. 2000, Функционирование прапермских аффрикат в современных коми диалектах. — Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов, Ижевск (Пермистика 6), 135—139 .
- 2002, Функционирование палатальных смычных согласных в коми-зырянских диалектах. — Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Сборник статей, Ижевск (Пермистика 9), 346—359.
- 2005, [Рец.:] В. К. Кельмаков, Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1, Ижевск, Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. — LU XLI, 70—73.

ГАЛИНА НЕКРАСОВА (Сыктывкар)